

Баркинхоева Залина Магометовна

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА ЭПОХИ КАК МАРКЕР ДИНАМИКИ ОРИЕНТИРОВ ПОКОЛЕНИЙ
РОССИЙСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ**

В данной статье предпринята попытка отследить ценностные изменения, происходившие в журналистской среде в зависимости от поколенческой принадлежности специалистов, и динамику журналистского речевого поведения относительно смены политических парадигм через анализ главных тем заданных периодов. При этом само выявление социально значимых информационных поводов (ключевых слов) подразумевает как использование результатов сторонней оценки, так и исследование перепадов внутри самого журналистского сообщества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/2-2/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 2(68): в 2-х ч. Ч. 2. С. 12-16. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

3. Багаудинова Г. Г. Факторы ритмической прозы в очерке И. А. Гончарова «Пепиньерка» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 3 (57): в 2-х ч. Ч. 2. С. 12-14.
4. Багаудинова Г. Г., Радыгин И. С. Ритм художественной прозы в романе И. А. Гончарова «Обыкновенная история» // Вестник Марийского государственного университета. 2016. № 1 (21). С. 87-90.
5. Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20-ти т. СПб.: Наука, 1997. Т. I. 830 с.
6. Гузь Н. А. Ритмическая организация в романах И. А. Гончарова // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 4. С. 3-6.
7. Жирмунский В. М. О ритмической прозе // Жирмунский В. М. Теория стиха. Л., 1975. С. 569-586.
8. Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Советская энциклопедия, 1990. 672 с.
9. Пырьков И. В. Ритмическая организация романа И. А. Гончарова «Обломов»: дисс. ... к. филол. н. Саратов, 2006. 149 с.

FACTORS OF RHYTHMIC PROSE IN I. A. GONCHAROV'S STORY "HAPPY MISTAKE"

Bagautdinova Gul'zada Gadul'yanovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Mari State University, Yoshkar-Ola
gbagautdinova@yandex.ru

The subject of the research is poorly studied aspect of I. A. Goncharov's studies – the rhythm of artistic prose. The article reveals the basic principles of rhythmic prose – phonetic, lexical and grammatical repetitions, syntactic parallelism – in comparison with the other works of the writer. The paper formulates and reveals a new rhythm-forming factor of prose – antithetic parallelism. It also identifies certain patterns of rhythm formation in I. A. Goncharov's creativity. Rhythm is determined as an aesthetic marker of the writer's prose artistry. The author concludes that rhythm, along with the comic, is one of the specific features of the poetics of Goncharov's prose.

Key words and phrases: rhythmic prose; phonetic repetitions; lexical repetitions; syntactic analogs; rhythmic factors; rhythm-forming principles; rhythm function.

УДК 070

В данной статье предпринята попытка отследить ценностные изменения, происходившие в журналистской среде в зависимости от поколенческой принадлежности специалистов, и динамику журналистского речевого поведения относительно смены политических парадигм через анализ главных тем заданных периодов. При этом само выявление социально значимых информационных поводов (ключевых слов) подразумевает как использование результатов сторонней оценки, так и исследование перепадов внутри самого журналистского сообщества.

Ключевые слова и фразы: поколения; политические поколения; социализация; теория поколений; политические ценности; журналистика; частотность; идеологемы; речевое поведение.

Баркинхоева Залина Магомедовна

Санкт-Петербургский государственный университет
zalinabarkin@gmail.com

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА ЭПОХИ КАК МАРКЕР ДИНАМИКИ ОРИЕНТИРОВ ПОКОЛЕНИЙ РОССИЙСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ

В марте 1990 года в одном из номеров газеты «Известия» был опубликован материал фельетониста Юрия Макарова «Слово за слово или Очень краткий курс» [3, с. 88]. Меньше 300 слов, описывающих историю России от дореволюционной эпохи до событий, предшествовавших развалу СССР. В тексте имеется рефрен, который хоть и хронологически привязан к имперскому времени («ананас» – отсылка к «ананасному» манифесту Александра III; «расстегай», «ококор», «канарейка» – здесь же надо вспомнить заведенные сначала в дворянских, а позже и купеческих сословиях порядки времен романса «Эй, ямщик, гони-ка к Яру»), однако приводится автором в качестве тизера к переломным историческим моментам. Этими же словами и завершается публикация, предсказывая, таким образом, все позже произошедшее в стране и со страной.

Как видим, в очевидно иронично окрашенном произведении публицист использует прием языковой игры, опирающийся на номинативную функцию языкового знака и абсолютизирующий его [4, с. 92].

Но интерес представляет то, что собранные автором слова – не требующие разъяснения для российского/советского человека устойчивые ассоциативные единицы, многие из которых закладывались в сознание с помощью средств массовой информации.

Какую ценность представляет данный материал в контексте изучения политических поколений в журналистике? Приведем слова В. А. Сидорова, отмечающие дуальность в природе журналистики: «...выступая в качестве носителя, она вбирает в себя ценности своего времени и своего общества и репрезентирует их в этом обществе и за его пределами; будучи частью духовной жизни общества, в которой рождаются новые идеи, смыслы, понимания, образы, научные истины и пр., она генерирует и распространяет определенные ценности, которые могут быть созвучны времени их создания, опережать/отставать от него» [6, с. 15].

Таким образом, мы имеем возможность рассмотреть формирование образа эпохи в рамках существующего идеологического фона через призму журналистских действий. Вероятно, и выйти через означенные ключевые слова истории на некоторые элементы аксиологической системы журналистов разных периодов.

Начнем с сопоставления семантических полей определенных единиц.

Сравните понятийное поле слова «перестройка» в 1932 году, когда оно относилось к изменениям в литературно-художественной среде, которые привели к ее полному подчинению государственному курсу, и в конце 80-х гг., когда в одной строке с ним шли «ускорение», «гласность» и «свобода». Или же слово «либерал»: сейчас оно имеет скорее позитивное восприятие, а в стихотворении 1972 года Юлия Даниэля «Либералам» мы находим следующие строки: «О, либералы – паразиты на гноище беды людской» [2, с. 240]. Иной пример – «демократия». Сейчас это слово синонимично свободе во всех сферах жизни человека, а А. С. Пушкин считал его исключительным ругательством: «...чистая демократка. Никого ни в грош не ставит» [7]. Или же ассоциации со словом «санкция» во времена стенок и расстрелов и санкции, о которых ежедневно говорят с экранов телевизоров сегодня.

При всем при этом стоит упомянуть и то, что ценности, имеющие одно номинальное воплощение, могут иметь различное фактическое приятие не только в зависимости от поколенческой принадлежности транслятора ценности (как правило, политическая элита), медиатора (журналисты) и ее реципиентов (массовое общество): «...известен сюжет перелицовки понятий, когда, условно говоря, зло рядится в добро. И ситуация “волк в овечьей шкуре” для медиасферы повседневно. Демократия, права человека, свобода самовыражения – эти и другие ценности по-прежнему неоднозначно трактуются на Западе и Востоке. Отчего медийные дискуссии на этот счет приобрели странный характер – слова одни, а смыслы разные» [6, с. 116]. Но все же брать в расчет географический фактор мы не видим смысла, поскольку исследование ограничено границами одной страны (акцентировать внимание на мультикультурности и федеративности мы также не станем, так как речь идет об общем для всех центральном курсе).

Что можно сказать о публицистическом пространстве в целом, основываясь на данном материале? Прежде всего определим, что из себя представляет упомянутое понятие: «необъятная сфера не только бытования идей, но и столкновения их, сфера, в которой идеи стремятся распространить свое влияние, воздействовать на умы и чувства» [8, с. 17]. Как известно, официально оппозиционных СМИ в СССР не существовало. Природа взаимодействия в этот период истории нашей страны имеет монологический характер, нет проявления индивидуальности, политические ценности выражаются консолидированно, в жанровой системе и речевой форме выражена стереотипизация. Таким образом, «столкновение идей» как признак большей части советского публицистического пространства вряд ли можно указывать. И все же в приведенном материале мы видим слова «гулаг», «брови», «поцелуи», «клеймо», «стенка» и прочие. Это объясняется, во-первых, сменой идеологических парадигм, связанных с политическими персоналиями, и соответствующих ценностей общества (так, «вождь» при одном генсеке стал «тираном» при другом); во-вторых, полностью отметить влияние русского зарубежья было бы некорректно (например, первая публикация «Архипелага ГУЛАГ» состоялась в Париже); в-третьих, нельзя недооценивать силу анекдота как формы массовой коммуникации.

Что же касается позднего и постсоветского периода, то, несмотря на диалогическую природу современной коммуникации, политические доминанты по-прежнему преобладают. Поясним, прибегнув к помощи аналогии: перед двумя женщинами, социализировавшимися в разное время, принадлежащими к разным поколениям, стоит цель – создать прическу, состоящую из локонов. Первая прибегнет к помощи бигуди. Для второй совершенно естественно использовать стайлер. Результат тем не менее одинаковый – локоны. То же применимо к журналистике, таким же образом мы можем утверждать следующее: изменился контекст, цели же сохранились – осведомить, побудить, оценить.

Возвращаясь к вопросам семантики и аксиологии: да, справедливо говорить о личностной составляющей в деятельности журналиста. Готовя материал, скажем, о новой реформе, он может внутренне соглашаться с ее положениями или же быть против нововведений. Факторы, которые влияют на его собственное мнение относительно данного вопроса, могут быть совершенно разнообразными: биографические, факторы персональной, коллективной и профессиональной социализации и пр. И, разумеется, оценочный отпечаток может лечь на результат его работы. Но тема, им поднимаемая и транслируемая в массы, сталкиваясь или сливаясь с голосами других журналистов, исследующих это же изменение жизни, формирует определенную повестку дня и поднимает на поверхность информационного поля ключевое слово – реформа.

Но есть в данном анализе и свои «но». Поскольку приведенный материал является экскурсом в историю, исследователь смотрит на события как будто со стороны, то есть события отражены субъективно, оцениваются «сейчас», а не «как тогда действительно было»: например, абсолютно немислимо, чтобы журналист времен тоталитарного режима употребил слова «голод», «стенка», «бедняк». То есть вопрос, что же на самом деле появлялось на страницах советских и российских изданий, какие слова считались самими журналистами ключевыми, как действительно менялось отношение к власти, пропагандируемым ценностям и как это выражалось в материалах, да и существовала ли возможность это выразить, остается открытым.

Для того чтобы попытаться ответить на него, мы воспользуемся методикой контент-анализа. В качестве объекта нами предлагается журнал «Огонек» [5]. Выбор обусловлен богатой историей упомянутого издания, в течение которой им велась летопись страны, и его колоссальной популярности (тираж и аудитория). Кроме того, период функционирования охватывает формирование всех современных демографических поколений. Журнал зародился аж в те годы, когда Россия еще именовалась империей, успел выступить в роли

рупора государственной политики СССР и испытать на себе все цензурные колебания, пережить смутные годы после развала Союза, сменить несколько частных собственников, изменить редакционную политику и формат освещения событий, следовательно, способен гибко отразить смену настроений общества в разное время. Соответственно, период исследования начинается с момента социализации (на социальном уровне) самого старшего из ныне живущих и работающих поколений, т.е. с конца 50-х – начала 60-х и по сей день.

Жанровые характеристики анализируемых текстов: проблемная статья и передовица, поскольку именно эти тексты позволят выявить новостную повестку каждого временного отрезка, который охватывается данным изысканием, выявить ключевые слова эпохи и идеологемы. В более поздний период мы ограничили анализ текстами следующих рубрик: «Тема номера», «Неделя», «Общество», «Россия и мир».

В качестве базовой классификации поколений журналистов мы принимаем нижеприведенную разбивку (развернутое видение вопроса было изложено автором данной статьи в материале «Политические поколения в современной российской журналистике» [1, с. 129]); указанные в скобках даты – период прихода в журналистику:

- тоталитарное поколение (...-1953 гг.);
- поколения «оттепели» (1953-1964 гг.);
- поколение «застоя» (1964-1985 гг.);
- поколение «перестройки» (1985-1991 гг.);
- поколение «лихих 90-х» (1991-1999 гг.);
- «раннепутинское поколение» (2000-2003 гг.);
- «позднепутинское» поколение (2003 – н. в.).

Количественный метод мы применяем для выявления основных тем, на которых формировалось профессиональное поколение: здесь производится подсчет наиболее частотных слов, характеризующих время (существительные, идеологемы)¹. Качественно-количественный же анализ позволяет нам отследить динамику журналистского речевого поведения относительно смены политических парадигм. Так как отношение к власти, как правило, тождественно отношению к лидеру, мы в данном исследовании сделали упор на единицы, позволяющие выявить коннотативную оценку личности главы государства и его действий. Единицами подсчета стали глаголы и прилагательные, относящиеся к фигуре лидера.

1946-1952 гг. (тоталитарное поколение)

Частотные слова, характеризующие время (существительные):

народная демократия (18)², стахановец (26), сторонники мира (31), пятилетка (17), соревнование (27), демонстрация (25), гидроэлектростанция/ГЭС (10), митинг (19), целина (3), снижение цен (13), гонка вооружений (2), ликвидация неграмотности (3).

Глаголы, относящиеся к фигурам лидеров страны:

выступил (5), вёл (4), провозгласил (3), воспитал (2), направлял (2), организовал (2), позаботился (1), обеспечил (1), заложил (1), начертал (1), осветил (1), сформулировал (1), закалил (1), научил (1), посвятил (1), трудился (1).

Прилагательные, относящиеся к фигурам лидеров страны:

великий (35), родной (15), дорогой (8), любимый (7), гениальный (6), мудрый (1).

1953-1964 гг. (поколение «оттепели»)

Частотные слова, характеризующие время (существительные):

стройка (47), сельское хозяйство (46), соревнование (45), сторонники мира (44), стахановец (43), народная демократия (39), митинг (33), демонстрация (31), целина (27), гидроэлектростанция/ГЭС (26), разоружение (19), снижение цен (19), механизаторы (18), пятилетка (18), Куба (17), семилетка (14), гонка вооружений (14), кукуруза (13), космос (9), ядерное оружие (6), Вьетнам (1), ликвидация неграмотности (1).

Глаголы, относящиеся к фигурам лидеров страны:

выступил (10), встречался (6), нанес визит (6), побеседовал (5), посетил (4), поздравил (2), нашел слова (1), пожелал (1).

Прилагательные, относящиеся к фигурам лидеров страны:

великий (23), родной (10), дорогой (5), любимый (2), гениальный (1), неутомимый (1).

1964-1984 гг. (поколение «застоя»)

Частотные слова, характеризующие время (существительные):

ядерная война (91), гонка вооружений (87), стройка (80), сельское хозяйство (74), сотрудничество (73), космос (62), конгресс (51), укрепление мира (46), советско-американские отношения (41), разоружение (41), Вьетнам (39), разрядка напряженности (39), хлеб* (35), ракеты (33), ядерное оружие (32), Куба (29), народные депутаты (29), механизаторы (28), кукуруза (21), Конституция (27), ограничение стратегических вооружений (25), Афганистан (19), милитаризация космоса (18), ближневосточный конфликт (17), манифестация (17), европейская безопасность (15), дружба народов (8), перестройка (5), семилетка (5).

Глаголы, относящиеся к фигурам лидеров страны:

встретился (18), отбыл (13), вручил (10), нанес визит (7), выступил (6), подчеркнул (4), побывал (3), направил (3), заявил (2), предоставил слово (1), дал обед (1), нашел слова (1), заботился (1), обратился (1).

Прилагательные, относящиеся к фигурам лидеров страны:

эпитеты не зафиксированы.

¹ По очевидным причинам «компартия» и «социализм» исключены из подсчета.

² Здесь и далее в скобках приведено минимальное количество раз, когда данное слово встречается в указанный период.

1985-1990 гг. (поколение «перестройки»)**Частотные слова, характеризующие время (существительные):**

реформа (57), митинг (58), рынок (28), демократия (25), повышение цен (20), перестройка (27), приватизация (23), частная собственность (18), отставка (13), гласность (15), референдум (12), дефицит (8).

Глаголы, относящиеся к фигурам лидеров страны:

выступил (7), отбыл (7), вручил (5), поздравил (3), подчеркнул (1), заявил (3), отметил (1).

Прилагательные, относящиеся к фигурам лидеров страны:

эпитеты не зафиксированы.

1991-1999 гг. (поколение «лихих 90-х»)**Частотные слова, характеризующие время (существительные):**

реформа (57), митинг (58), рынок (28), демократия (25), повышение цен (20), перестройка (27), приватизация (23), частная собственность (18), отставка (13), гласность (15), референдум (12), дефицит (8).

Глаголы, относящиеся к фигурам лидеров страны:

произнес (3), назвал (2), подружился (1), оценил (1), не упомянул (1), потребовал (1).

Прилагательные, относящиеся к фигурам лидеров страны:

дорогой (1), родной (1) – оба эпитета с сарказмом.

2000-2003 гг. («раннепутинское» поколение)**Частотные слова, характеризующие время (существительные):**

рынок (16), реформа (15), повышение цен (11), митинг (9), отставка (9), протест (9), частная собственность (8), выборы (8), демократия (7), кризис (7), Украина (6), пенсионеры (6), рейтинг (5), рост цен (5), права (4), приватизация (4), нефть (3), безработица (2), референдум (2).

Глаголы, относящиеся к фигурам лидеров страны:

встретился (3), принял (2), высказал (2), провел (2), успел (1), подарил (1), предложил (1), подготовил (1), отговорил (1).

Прилагательные, относящиеся к фигурам лидеров страны:

эпитеты не зафиксированы.

2003-2016 гг. («позднепутинское» поколение)**Частотные слова, характеризующие время (существительные):**

Украина (64), кризис (63), катастрофа (59), Интернет (57), конфликт (51), налог (51), жертвы (48), выборы (46), протест (43), пенсионеры (42), увольнение (37), монетизация (37), коррупция (36), запрет (35), рост цен (35), рейтинг (32), права (29), инфляция (27), нефть (21), безработица (19), легитимность (17), экология (15).

Глаголы, относящиеся к фигурам лидеров страны:

встретился (5), заявил (4), посетил (3), уточнил (2), предложил (2), объяснил (1), принял решение (1), обосновал (1), похвалил (1), поддержал (1).

Прилагательные, относящиеся к фигурам лидеров страны:

жесткий (1, положительная коннотация).

Таким образом, благодаря даже такого рода анализу текстов мы имеем возможность отследить некоторую динамику в ценностях журналистов. Каждое последующее поколение чувствует себя свободнее не только в выборе тем, но и в способах их освещения, то есть рабочее пространство, информационное поле, журналиста постепенно «оттаивает». Проследив изменения в языке журналистов из поколения в поколение, мы видим циклический процесс плавного перехода от субъективности, причем с перекосом в информационные нужды власти, к сдержанной объективности и дальше до субъективности, но уже с перекосом в личность журналиста, его «Я», его мнение и оценку (от восторженного «великий», «родной» и «неутомимый» через отсутствие коннотативных средств к открытому сарказму и критике, далее вновь через преобладание деннотативных черт мы подходим к текущей ситуации: осторожные попытки выражения оценочных суждений с оттенком патриотизма и позитивной оценки власти). Здесь проявляется в своеобразной специфической форме принцип акцелированности поколений, описанных в теории поколений [9, р. 17]. Каждое последующее поколение реакционно по отношению к ценностям, на которых происходило его профессиональное становление. Отслеживается закономерный переход поколения кризиса в поколение подъема, из модели подчинения в модель интереса и далее. Кроме того, данный анализ указывает на невозможность ограничиваться при классификации поколений разделением только на советских и российских практиков, аргументируя, таким образом, целесообразность предложенной классификации.

Список литературы

1. Баркинхоева З. М. Политические поколения в современной российской журналистике // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2016. № 12. С. 129-134.
2. Даниэль Ю. М. Свободная охота: авторский сборник. М.: ОГИ, 2009. 272 с.
3. Макаров Ю. Слово за слово или Очень краткий курс // Известия. 1990. 5 марта.
4. Норман Б. Ю. Игра на гранях языка. М.: Флинта; Наука, 2006. 344 с.
5. Огонек, архив номеров 1945-2014 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://journal-club.ru/?q=image%2Ftid%2F371> (дата обращения: 13.09.2016).
6. Сидоров В. А. Аксиология журналистики: учебное пособие. СПб.: СПбГУ, Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций, 2016. 200 с.

7. **Смирнова-Россет А. О.** Воспоминания о Жуковском и Пушкине. Дневник. Воспоминания [Электронный ресурс]. М.: Наука, 1989. http://az.lib.ru/s/smirnowarosset_a_o/text_1871_vospominania_o_zhukovskom_i_pushkine.shtml (дата обращения: 30.01.2017).
8. **Солганик Г. Я.** Общая характеристика языка современных СМИ в сопоставлении с языком СМИ предшествующего периода // Язык массовой и межличностной коммуникации. М.: Медиамир, 2007. С. 15-39.
9. **Strauss W., Howe N.** The Fourth Turning: An American Prophecy – What the Cycles of History Tell Us about America's Next Rendezvous with Destiny. N. Y.: Broadway Books, 1997. 382 p.

KEY WORDS OF THE EPOCH AS A MARKER OF THE DYNAMICS OF THE REFERENCE POINTS OF THE RUSSIAN JOURNALISTS GENERATIONS

Barkinkhoeva Zalina Magometovna
Saint Petersburg University
zalinabarkin@gmail.com

This article attempts to track value changes taking place in the journalistic environment depending on the generational belonging of specialists, and the dynamics of journalistic speech behaviour in relation to changes in political paradigms through the analysis of the main themes of the period under study. At the same time the identification of socially significant information motives (key words) means both the use of outside evaluation results and the study of changes within the journalistic community.

Key words and phrases: generations; political generations; socialization; generations theory; political values; journalism; frequency; ideologemes; verbal behaviour.

УДК 82.091

В центре внимания авторов данного исследования – фольклорные и литературные источники, трактующие исторические факты и описывающие памятники древней Елабуги – Ананьинского могильника и Булгарского (Чертового) городища. Уникальность изучаемых текстов видится в передаче и исторической реконструкции лиц, событий, в отражении общей тенденции народной и литературной словесности – отказ от одностороннего взгляда на историю родного края, восприятие и оценивание событий прошлых лет с позиций правды, добра и красоты.

Ключевые слова и фразы: исторические памятники; Ананьинский могильник; Булгарское городище (Елабужское городище, Чертово городище); фольклорные источники; литературные источники.

Грахова Светлана Ивановна, к. филол. н., доцент

Беляева Нина Леонидовна, к. пед. н., доцент

Набережночелнинский государственный педагогический университет
SG2223@yandex.ru; BelyaevaNL@yandex.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Как известно, история является прочной основой, на которой возвращаются фольклор и литература. Взаимосвязь истории и словесного искусства может быть представлена разными уровнями соотношения: история – фольклор; история – литература; история – фольклор – литература. В каждом художественном тексте в той или иной степени отражается эпоха, характер которой легче понять через художественно-поэтический образ, наполняющийся, однако, особым содержанием посредством исторических знаний.

К региональному словесному искусству относим фольклорные и литературные произведения (в их жанровом разнообразии), созданные в одной местности и отразившие ее уникальность. Б. Н. Путилов указывал на необходимость историкам и этнографам владеть знанием о превращении материала исторического и этнографического характера в художественные образы, системы и обобщения [15, с. 134]. Такая же необходимость возникает и перед литературоведом, лишь с одной поправкой: фольклорный текст добавляет этнографический материал. В фольклоре этнографические источники перекодируются и художественно преобразовываются. Иногда простая отсылка к устному народному тексту в литературно-художественном произведении «запускает» программу поэтического развития, домисливания, сюжетной обработки «сжатой» фольклорной информации. Так, в отличие от социального и исторического содержания, региональный этнографический входит в художественную литературу через фольклор, его образную составляющую, часто имеющую «специфически региональный характер» [10, с. 144].

В свое время мы уже обращались к изучению фольклора и творчества отдельных писателей в контексте регионального присутствия [2; 3; 4; 5]. Особый интерес вызывали народные повествования о елабужских купцах как выразителях культуры русского народа, произведения Д. И. Стахеева, написанные по воспоминаниям о малой родине. Ценность изученных фольклорных и литературных произведений видится в значительном потенциале и исторической реконструкции лиц и событий данного края.